

Николай Максимович Минский

**Белые ночи. Гражданские
песни**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Н63

Н63 **Николай Максимович Минский**
Белые ночи. Гражданские песни / Николай Максимович Минский – М.: Книга
по Требованию, 2012. – 102 с.

ISBN 978-5-4241-3223-0

Стихи Минского отражают колебания и противоречия его жизненного пути. Лучшее в них (благодаря чему он, испытывавший влияние С. Надсона и Метерлинка, считается предшественником символистов) показывает глубину поисков смысла жизни и желание обрести опору в Боге

ISBN 978-5-4241-3223-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Николай Минский
БЕЛЫЕ НОЧИ
ГРАЖДАНСКИЕ ПЕСНИ

БЕЛЫЕ НОЧИ

НОЧЬ ПЕРВАЯ

Румянцем чахоточным слабо горя,
Вечерняя медленно гаснет заря,
Болезненно гаснет — и не угасает...
На западе отблеск еще не исчез,
И белая ночь среди бледных небес
Больную зарю обнимает.
С той ночью не свыкшись с младенческих лет,
Заснуть нелегко в час урочный.
На землю струится безжизненный свет,
Все краски подернуты дымкой молочной.
Светло. Не бросают предметы теней.
Нет блеска в цветах. Все слились переливы.
Лучи не мерцают игрой прихотливой,
И ближе все кажется, больше, белей...
Светло, будто днем, и знакомой картины
Кругом различаются ясно черты:
Цветущие, в белых букетах, рябины,
Березы растрепанной кудри-листы,
Веселый наряд разодетой сирени,
Акации женственной желтый цветок,
Высокие сосны и низкий дубок,
И тополь случайный, а там, в отдалении,
Туман или пыль на бесплодных лугах.
Все то же, как днем, только в прежних чертах
Иное сквозит выраженье. Природа
Знакомым покойником кажется мне...
Щемящая боль и тупая невзгода
Незримо разлиты в больной тишине
И в белом мерцании северной ночи.
Уставив на землю открытые очи,
Со скорбью, застывшей на бледных устах,
Тревожно и молча, с лицом помертвелым,
Широко закутана саваном белым,
Бесстрастно лежит эта ночь в небесах,
Как будто в гробу...
Эти ночи пугают
Всех жизнью довольных. Они убегают
В те страны, где тени к лобзаниям манят,
Где страстью и негою звезды горят.
Но я полюбил тебя, мне ты — подруга,
О, севера ночь! Мне отраднo встречать
Твой призрачный взор: в нем я вижу печать

И повесть читаю иного недуга,
Страданий иных...
Этот свет без светил,
Без звезд небеса, тяжкий сон без видений,
Объятья без ласк и печаль без волнений,
Без тайн красота, жизнь без жизненных сил
И смерть без боязни — увы! мне знакомы
Черты этой вялой, бессильной истомы...
Бежит от усталых очей моих сон,
В усталую душу тревога стучится,
И скорби родник снова в сердце сочится,
Заветной струны снова слышится звон.
Давно она тайно звенит. Ее звуки
В душе без исхода теснятся давно.
Пора! Хоть в словах изолью свои муки,
Коль в дело мне их воплотить не дано!
И, может быть, стройное песен течение
Великую скорбь усыпит на мгновенье...
В тех песнях скорблю не о горе большом, —
О горе сермяжном земли неоглядной:
Страданий народных, как моря ковшом,
Нельзя исчерпать нашей песней нарядной.

.....

О тех я скорблю, чью любовь осмеяли.
Кто злобы не мог в своем сердце найти,
Кто, полон сомнений и полон печали,
Стоит на распутьи, не зная пути.
Пою и скорблю о больном поколенье,
Чьи думы умом я согласным ловил,
Чье сердцем подслушивал сердцебиенье,
Кому я и песни, и жизнь посвятил...
К тем песням не муза меня вдохновляла;
Что сердце терзало, рука написала.
То — песни, что долго в душевной тени
Таил я, покуда таить было мочи;
То — песни, зачатые в черные дни,
Рожденные в белые ночи...

НОЧЬ ВТОРАЯ

Как гробницы свинцовые в склепе фамильном,
Много скрыто видений во мраке души.
То останки бывшего покоем могильным
Цепенеют и спят в непробудной тиши.
Лихь в бессонную ночь — ночь борьбы и разлада —
Сходит память-волшебница в душу порой
И стучит по гробницам костлявой рукой,
Как поет дней старинных баллада.

Разверзаются гробы, виденья встают...
Позабытые образы, чувства и лица,
Торопясь, покидают свой тесный приют
И кружатся в душе, как теней вереница.
А с зарею они исчезают, спеша,
И опять, как кладбище, пустынна душа...
И когда предо мною мелькают
Эти пестрые сонмища лиц и картин,
Среди образов светлых, что взор мой ласкают,
Всех светлее сияет один.
Это — ты, бедный друг, лучшей доли достойный.
Как живой, ты отлился в душе у меня:
Озабоченный вид, взгляд всегда беспокойный,
Разговор неискusstный, но полный огня...
Ни глубоким умом, ни талантом счастливым
Средь плененных тобою друзей ты не слыл.
Чем-то веяло детским и строго стыдливым
От черты твоей всякой: ты — искренен был.
Ты страдал, как и все мы, болезнью одною,
Но сильнее и глубже страдал. То, что нас
Мимолетною болью задело б на час,
То тебя заливало могучей волною.
Кто тоскою по правде из нас не болел?
Кто спасти род людской не пытался укладкой?
Всякий думал над жизни тяжелой загадкой,
А когда разгадать не умел,
Примирялся с непонятой жизнью невольной,
Хотя было и стыдно, и больно.
Но неведомы сделки для честной души.
Ты умом не лукавил и сердцем не гнулся,
И в тот миг, как ты с жизненным сфинксом столкнулся,
Жребий брошен был твой: иль умри, иль реши...
И ты умер, товарищ, любя человека,
Пал незлобивой жертвою злобного века.
Помню: вечер осенний стоял за окном.
В тесной комнатке свечи горели.
Молчаливо товарищи жались кругом
И на труп твой, с зияющей раной, глядели.
Все казались спокойны; по бледным щекам
Не катились слезы, хоть горло давили.
Невеселые думы по лицам бродили,
И предсмертные строки твои по рукам,
Словно чаша на тризне, ходили.
Ты писал:
Я не знаю, где правда и свет,
Я не знаю, какому молиться мне богу...
Я, как в сказке царевич, блуждал с юных лет,

В край заветный искал я дорогу —
И к распутию пришел наконец... Впереди
С тайной надписью камень стоял одинокий.
И прочел я на нем приговор свой жестокий.
Я прочел: «Здесь лежат пред тобой три пути,
Здесь раскрыты три к жизни ведущие двери.
Выбирай, что твоим отвечает мечтам:
Пойдешь вправо, — жди совести тяжелой потери,
Пойдешь прямо — съедят тебя лютые звери,
А налево пойдешь — станешь зверем ты сам»...
— И заснуть о, друзья, предпочел я в преддверьи...

НОЧЬ ТРЕТЬЯ

В шумный досуг, за работой немою,
В тихую ночь и в рокошущий день —
Вечно мелькает, парит предо мною
Чья-то воздушная тень.
Кто она? Чья она? Добрая, бледная,
С ласковой скорбью на тонких устах,
Светит — лучится любовь всепобедная
В девственно-скромных глазах.
Все мои думы, глубоко хранимые,
Всякий порыв сокровенных страстей,
Тайны молитв моих, песни любимые —
Все это ведомо ей.
Вечно мне в сердце глядит она, нежная.
Если покой в этом сердце царит,
Кроткий покой и любовь безмятежная —
Взор ее счастьем горит.
Если же сердце враждой зажигается,
Если мой стих превращается в меч,
Плача, она надо мной наклоняется,
Шепчет мне кроткую речь...
Полно шептать мне слова бесполезные!
Нам без вражды невозможно любить,
Как невозможно оковы железные
Нежной слезою разбить.
Дай ненавидеть мне! В битве пылающей
Муки дай сеять и муки принять!
— Что же ты снова глядишь умоляюще,
Что же ты плачешь опять?

НОЧЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Льется, льется дождик медленно и ровно,
Тягостный, как голос совести виновной,
Долгий, как изгнание, мощный, как судьба,

Терпеливый, будто старая раба.
И как дождик в окна, крылья скорби черной
В сердце ударяют тихо и упорно.
Ноет сердце, ноет — тяжело вздохнуть,
Камнем тяжким слезы падают на грудь.
Льется, льется дождик, будто поневоле.
Истомилось сердце... Сил страдать нет боле.
Струны напряглись, струны порвались,
И в одно желанье силы все слились:
Почерней, о небо! Заклубитесь, тучи!
По небу помчитесь вы грядой могучей.
Громом разбудите вековечный сон,
Молнией зажгите черный небосклон...
Пусть грохочет буря, пусть гроза бушует.
Сердце встрепетается, сердце возликует.
Гром я встречу песней, радостной, как гром,
Под грозой взовьется мысль моя орлом...
Пусть стволы деревьев ураган ломает,
Пусть весь лес от молний ярко запыхает, —
Жизни! Жизни! Жизни! Истомилась грудь,
Раз хоть полной грудью хочется вздохнуть!
Знаю: гром ударит и в мое жилище,
Может быть, я первый стану грома пищей.
Лишь могло бы только дерево ожить,
Об упавших листьях нечего тужить!..

НОЧЬ ПЯТАЯ

Прочел я свой безумно-исступленный
Вчерашний бред, и ужас, точно льдом,
Сковал мне грудь, — лицо горит стыдом
И горький смех звучит в душе смущенной.
«Ты ль о грозе взываешь роковой,
Ты, кротости родник неистощимый?
Грянь первый гром из тучи грозовой,
Кто первый бы взмолился: мимо! мимо!
И разразись нещадная гроза,
Чьи непрестанно плакали б глаза,
Кто б горевал возвышенно-умильно
Над каждым чуть придавленным цветком,
Над каждым чуть затронутым гнездом?
Дитя душой, жрец кротости бессильной...»

.....
— Жрец кротости! дитя!.. Да, я — таков
Но были дни, — и этим я гордился:
Сон золотой тех золотых годов
Еще в душе моей не испарился.
Давно ль, давно ль... О, грезы детских дней,

Зачем вы вдруг так ярко засверкали?
Печальна повесть юности моей.
Заботы колыбель мою качали.
Раздор в семье, сиротство с юных лет
Лишили рано ум беспечности свободной.
Я жизнь влачил в толпе униженно-холодной,
И неприветен край, где я увидел свет.
Я вырос в ужасах години безотрадной.
Я видел, как народ, сраженный, ниц упал,
Как храмы Божии ломались беспощадно,
Как победитель их в казармы превращал.
Из детских лет я помню образ дикий:
Бил барабан... С телег носились крики
И стоны раненых. Струилась кровь с колес,
И эту кровь лизал голодный пес...
Но ужасы, раздор и униженья
Враждой довременной мне сердца не зажгли.
Восторги чистые любви и вдохновенья
В младенческую грудь, Бог весть, как забрели.
Знать, в воздухе тогда, как семена, незримо
Мечты высокие носились. Дитя,
Я чуток был душой — и свежая струя
Над сердцем девственным не пронеслась мимо...
О, будь благословен тот день, как в первый раз
Я обнял всех людей любовью необъятной,
И сладко сжалась грудь тоскою непонятной,
И первая слеза из детских пала глаз!..
— Дитя душой!.. Жрец кротости бессильной...
Да, кротостью в те дни любовь моя была.
Богиней ласковой и страждущей обильно,
Учащею добру, не помнящею зла,
Любовь являлась мне — и, полные печали,
О всепрощении слова ее звучали.
От жизненных забот и жизни суеты
Моих очей она не отводила...
О, нет! Не раз она с собой меня водила
В жилища грязные труда и нищеты —
И почитать велела их, как храмы.
И поднималась потом она со мной
В жилища роскоши и праздности людской,
И с яркой мишуры позолоченной рамы
Срывая блещущий обманчивый покров,
Картину тайных мук мечте моей чертила,
И нищих-богачей, как нищих-бедняков,
Любовью равною любить меня учила.
Учила, став со мной среди толпы вдвоем
Перед голгофами, излюбленными веком,

Скорбеть над жертвою, скорбеть над палачом —
Над губящим и над погибшим человеком.
Она ввела меня в священный храм веков,
Но с ветхих стен его заботливо стирала
Лозунги ветхие, и вместо прежних слов
Лишь слово «человек» лучисто начертала...
За этот дивный сон, о молодость моя,
Не помню я твоих печалей и страданий.
Как утренний восток, в безоблачном сиянии,
Стоишь ты предо мной, сверкая и маня.
И словно сгнивший ствол вершиною зеленой,
Как черный прах земли небесной синевой,
Как мрачная скала нетающей короной —
Так жизнь печальная увенчана тобой.
На небесах твоих горят воспоминанья,
Как звезды яркие — чем дальше, тем светлей,
И кротко смотрят вниз, и в ночь души моей
Струится чистый свет их дальнего мерцанья.
Да, ночь теперь в душе, и ночь стоит вокруг,
И воздух напоен отравой злобы дикой.
Что случилось со мной! Как мог забыть я вдруг
Уроки кроткие наставницы великой!
Зачем любовь теперь является ко мне
Сурово-страстная, с кровавыми руками
И, задыхаясь в горячечном огне,
Все бредит битвами, и мезтью, и бойцами?
О, как душа скорбит! Как стал я одинок!
Я ль это!.. Я — грозы, я — жаждал разрушенья!
Стыдом горит лицо, в душе горит упрек,
Меня преследуют зловеющие виденья
Мне снится мрачный дух — я сам к нему взывал,
Дух мести и грозы. Чрез весь мой край родимый
Промчится бурно он, как разъяренный шквал —
Застонет родина от боли нестерпимой.
Он, как пожар, пройдет... Сперва сердца людей,
Потом испепелит людские он жилища.
Он когти обострит у дремлющих страстей.
На месте городов воздвигнет он кладбища.
И там, в тиши полей, в безмолвии лесов,
Где ныне труженик покорно и без слов
Гнет выю крепкую под иго вековое, —
Там пламя злобы он раздует роковое,
И впившийся метал заржавленных цепей
Из тела узника он вырвет с телом вместе,
И жертвы кроткие отравой сладкой мести
Злорадно превратит в суровых палачей.
А кровь невинная... А мрачная свобода,

Что кровью добыта... А грозного народа
Горячей крови раз вкусившие мечи.
Скорбит душа моя... Прозрения, исхода!
Учитель, где ты, где? Приди и научи!
Не мимолетна скорбь, сомненья не случайны,
Что давят грудь мою. И грозовая тень
Легла на все сердца, сгущаясь каждый день.
И с каждым днем в душе все громче голос тайный
Рыдает и зовет: «Восстань, очнись, поэт!
Забудь сомнения! В безмолвии суровом
В сердцах скопляется гроза — источник бед.
Восстань, гони ее любви могучим словом,
Зови: да будет мир! Зови: да будет свет!
И тихий возглас твой, другими повторенный,
Быть может, прозвучит победною трубой.
Как слабый звук средь скал, встревожив камень сонный,
Обвала грохотом разносится порой...»